

А.И. Полянцева

Экзистенциальная эмпирия в творчестве Марата

Багаутдинова

Марат Расимович всегда следил за тем, что я пишу о его стихах (приведенную ниже работу он тоже видел). Зная это, мои тексты иногда превращались в полемику с автором (это будет частично отражено в статье). Спор с ним заключался в том, чтобы был издан сборник стихов Марата Багаутдинова. Стихи в сети было найти проблематично не только для исследователя, но и для читателя, а их ценность очевидна и неоспорима. К концу 2016 года появилась книга стихов «Удары» Марата Багаутдинова, его составителями стали М.В. Серова, А.И. Полянцева, А.А. Коноплева. Конечно же, мы хотели, чтобы в это издание вошли все стихотворения, по крупицам собранные из разных источников. Марина Васильевна Серова написала предисловие к сборнику и ей пришлось отстаивать чуть ли ни каждое произведение за право присутствовать в книге; но слово автора было важнее, он тщательно проредил те стихи, которые считал не подходящими для публикации на тот период.

Моя магистерская диссертация на тему «Межкультурное взаимодействие в русскоязычной поэзии Удмуртии», где творчество М. Багаутдинова рассматривалось в параллели с поэзией В. Ар-Серги и А. Соковнина, была дописана в 2016 году до выхода сборника стихов «Удары», некоторые тексты, которые я цитирую в своей работе, в книге отсутствуют. Защита диссертации прошла успешно, единственный вопрос прозвучал от председателя комиссии, профессора из Новосибирска. Председатель увидела сходство лирики Марата Багаутдинова с лирикой Бодлера и спросила, не рассматривала ли я творчество ижевского поэта в контексте мировой литературы.

В поэтических текстах Марата Багаутдинова наглядно выражено расхождение и одновременная попытка сосуществования творческой и человеческой сторон поэта и врача, экзистенциального и эмпирического.

Стихотворение «Тук-тук» завершает стихотворно-прозаический цикл «Удары» и является прямым отражением всех тех смыслов, которые автор вкладывает в понятие «удары»: это и экзистенциальное понимание существования, выраженное в прозаическом отрывке «Intro»: «Я начал слышать своё сердце, когда мне было 8 лет. Вначале меня это не беспокоило. Потом даже понравилось, я просыпался под его стук, весь день я ощущал жизнь каждой клеткой своего тела. <...> кажется, что каждое сокращение – особенное, неповторимое, я даже стал ассоциировать их с событиями моей жизни...».

И эмпирическое понимание в прозе «Extro»: «Больной, я думаю, Вам, как почти уже специалисту в кардиологической науке, известно, что такое внезапная коронарная смерть? Это когда сердце в один прекрасный момент останавливается, и всё. Поэтому, опасения Ваши не настолько необоснованны. Однако подобные случаи редки и Вы, думаю, не являетесь человеком особенным, способным предугадать время своей кончины. К сожалению, таблетку от смерти ещё не придумали. Да и, слава Богу, наверное. Так что могу вам посоветовать только, меньше волноваться, пить успокоительное. Давайте, назначу вам консультацию психолога. Вот и всё. До свидания. Господи, одни сумасшедшие какие-то. И что их всех в больницу тянет? Да кто ж своё сердце не слушает? тук... тук...
– шёпотом – «Боже, пошли мне ещё одну систолу...»
тук.

И так, стихотворение:

ТУК-ТУК

Тук-тук
Тук-тук
А ведь чей-то муж.
И, может быть, чей-то друг.

Так вот жил-поживал,
Дышал... А потом не дышал.
И вот – всё, что жизнью воздано –
Бирка на ногу – «неопознанный».

А они такие красивые, такие белые.
А они такие милые, такие несмелые.
И на лицах всегда одно – недоумение.
Мол, совсем и не так представляли себе спасение.
Но они – такие красивые. Такие белые.
Так и хочется подойти – спросить, что они тут делают.

А хочешь, покатаю тебя по коридору, пока никого нет.
Вон – на лестнице свет. Прямо всё для тебя – и тоннель и свет
От горла и до паха весь распаханый, перепаканный.
Зато теперь у тебя всего две заботы – лежи да пахни.
Говорят, все дороги ведут... Точно! Рим – это здесь.
А остальное... Отче наш сущий, ... даждь нам днесь...

Он тоже был маленьким и таскал медведя за лапу.
Вниз головой, не боясь плюшевого покалечить.
Мама учила: ему же больно. А если тебя бы...
Он теперь санитар и хватается за ноги человечьи.
Со стороны даже куклой перевёрнутой грезится,
С одной лишь разницей – человек тяжёл и упруг,
Подбородком/затылком стуча по ступеням лестницы –
Тук-тук.
Тук-тук.

Всегда снится ему один и тот же сон.
Будто бы он – Харон.
Но каждую ночь Лета все мельче и уже.
И вот уже можно в брод.
Все бегут обратно,
Кричат, что он им больше не нужен...
Он просыпается.
Плачет.
Кому-то же нужен он...

Пока верещат циничные холодильники.
Пока утро не устанет кричать голосом будильника.
Вставай – живи и пахни – чей-то сын, чей-то внук.
И тук-тук.
Тук-тук.
Тук-тук.

Смысловой план этого стихотворения, в целом, прозрачен, даже вне обращения к дополнительным значениям, возложенным на использованную в нем поэтическую этимологию, различных литературных и внелитературных аллюзий. Автор выстраивает сюжет жизни человека.

Несмотря на множество героев, соответственно, множество судеб, это именно сюжет самой жизни, жизни как таковой.

Поэтому в тексте стихотворения четыре раза употребляются словоформы с основой «жизнь» и нет слова «смерть» (если эту лексему считать за оппозицию слову жизнь). Именно поэтому концепт, выраженный в звуке «тук-тук» по ходу развития сюжета стихотворения, меняет свое значение: сначала – это стук, похожий на стук в дверь, призывающий обратить внимание; затем «Тук-тук» – стук «Подбородка/затылка» «по ступеням лестницы»; а в финале «тук-тук» – это стук человеческого сердца. Все эти звуки так знакомы автору. Он остро ощущает их не только физически.

Закономерный вопрос: если стихотворение «Тук-тук» о жизни, по какой причине нет ощущения радости жизни после его прочтения? Возможно, ключом к ответу служит эпиграф к циклу: «Нет большего стыда, чем смерть». Автором этой мысли является Юкио Мисима. Вывод о том, что смерть – это большой стыд очень необычен, не так ли? Какое отношение имеет стыд к смерти? Для того, чтобы появилось чувство стыда нужны реальные или предполагаемые свидетели какого-либо проступка. Перед кем должно быть стыдно за смерть? Перед собой – исключено (в отсутствии свидетелей стыд не возникает, в предельном случае может возникнуть чувство вины). Может быть, стыдно перед другими людьми? Или перед Богом? Или перед мирозданием? Или...?

Обратимся к экзистенциальным оппозициям:

Существование – Не существование

Жизнь – Смерть

Есть – Нет

Руководствуясь традиционной логикой, оппозиция наглядно демонстрирует утверждение жизни и отсутствие смерти: «Существование, жизнь, есть» – «Не существование, смерть, нет». И тогда во фразе «Нет большего стыда, чем смерть» «смерти нет». Есть «стыд», который

соотносится с предлагаемыми понятиями с трудом. Так же, как во фразах «лежи да пахни», «живи и пахни» и других соотносятся экзистенциальное и эмпирическое. Отсюда и надрыв человеческого существования вообще и конкретной жизни в частности. В том, что все люди существуют в бесконечной пропасти между вечностью: бытием и бытом. И ни одно сознание ни готово признать справедливость данного расклада. Поэтому каждый чувствует себя сопричастным не только общечеловеческим переживаниям, но переживаниям, выраженным именно таким образом, способом, совершенно определенными средствами, подвергнув их именно такого рода анализу и выводам, как в стихотворении «Тук-Тук».

Сказать талантлив – не сказать ничего. Пустые бездушные клишированные определения не могут выступать характеризующими сущность поэта. И, может быть, не всегда творческий человек, поэт, имеет моральное право распоряжаться результатом своего творчества. Юридически – верно, стихи – его интеллектуальная собственность. Но разве мы говорим о собственности? Представим отзыв одного из читателей сетературы, Галины Каюмовой, пользователя литературного форума: «Перечитано много стихов. И есть авторы, которые задевают. Каждый по-своему. Назвать любимого сложно, потому что в каждый момент это разные строчки. Одного назову. Он именует себя vesalii (Марат Багаутдинов). И стихи его потрясающи! Ещё не видя его фотографии, я думала, что он много старше. Оказывается, родился в 1984 - совсем молод. Просто человек с нашего городского форума. Просто проняло до глубины души. Это не классика. Но у меня от его строк мороз по коже. Я искала в сети другие страницы. Он их почему-то везде поудалял. А жаль. Тут то небольшое, что мне удалось скопировать из разных источников и сохранить».

Своеобразное видение взаимоотношений человека и растительного мира, человека и животных, чаще, близких человеку животных, кошек, собак,

часто можно наблюдать в лирике Марата Багаутдинова. Так, в стихотворении «Господи, счастья то сколько...» цветы растут на подоконнике:

Господи, счастья то сколько!!! Господи, сколько счастья.
Думала ли гадала, дура какая, а тут – бац – и счастье.
Или там – бац – и жизнь началась, хотя должна бы загробная.
А я тут старуха-старухой стою, даже как-то и неудобно.
А вокруг переглядываются, смеются – старая, мол, маразмная.
Бабушка на остановке стояла возле экрана плазменного.
Дура, смеются, рекламы не видела, а у самой, поди, дома кот
Голодный, поди, цветы не политы, – стоит тут, разинув рот.

А она стоит тут, и думает, вот...
А она стоит тут и думает вот, дожила до такого чуда...
Думает, вот, дожила до чуда....
Как же я дальше буду?
Точно, завтра пойду к окулисту, поставлю себе хрусталики.
Говорят, ветеранам бесплатно вставляют новенькие хрусталики.
Поднимусь к соседке, – сидит себе, крот-кротом, – даже не знает, что март...

Поднялась к соседке,
Накормила кота,
Полила цветы.
А тут - бац – инсульт.
Ну, или там - бац – инфаркт.

Каждый день одна остановка. Думаешь, строишь планы.
Стоишь, дурак-дураком.

Казалось бы, цветы – сквозной образ стихотворения, не влияющий на суть написанного, тем не менее, в тексте они упоминаются дважды (как и кот): «дома кот Голодный, цветы не политы», «Накормила кота, Полила цветы». Метаморфоза, произошедшая с растениями, демонстрирует очень важную мысль, фигурирующую во многих произведениях Марата Багаутдинова. В то время, когда героиня-старуха думает, что «жизнь началась»: ходит по врачам, стоит на остановке, глядит в плазменный экран, растения чахнут, гибнут («цветы не политы»). Жизнь растений (животных) неотвратимо связана с отсутствием жизни в человеке: «Полила цветы. А тут – бац – инсульт».

Более того, смерть человеческой плоти является единственным условием возникновения цветов в прямом и метафорическом смысле. Так, в

стихотворении «На заброшенном теле...» васильки «цветут» на частях омертвевшего тела:

на заброшенном теле заводятся шрамы,
на спине и на пятках цветут васильки
ты не плачь и не бойся, касаясь упрямой,
недвижимой и страшной, холодной руки.
добавляя в коллекцию календари
в этом мире большом от окна до двери
всей душой полюби не болящие раны
и диагноз с подстрочником жизнь удалась
мы станцуем еще в позах вернике-мана
и медсестры на склянках сыграют нам вальс.

Человеческая жизнь как таковая никчемна и бессмысленна, ее наличие губит все живое на земле. Человечество, своим существованием принося один лишь вред, навязывает природе неестественные для нее искаженные замены и характеристики:

Лампа дневного света – замена солнцу,
Белая дверь закрыта (за нею лето),
Переодетый город болеет, – бьется,
Как в лихорадке (правда, таблеток нету).
Вот он пример реального компанейства –
Ярко цвета (может у них желтуха?),
Листья упали и умирают вместе...
Желчная осень.
Страшно.
Тепло.
И сухо.

Люди только и делают, что притворяются:

А люди по улицам ходят...
В высказываниях последовательны
В поведении упорядочены
Обманов восприятия не выявляют
Жалоб активно не предъявляют
Чувствуют себя хорошо...

На самом деле озлобленность, желчность и безразличие – повсеместно:

Посмотри – у них в глазах ледяное крошево,
Ощути – их голосами разбавлен яд...
Ты когда-нибудь слушал, о чем говорят прохожие?
Ты прислушайся. Знаешь,
Они о тебе говорят...

Результат жизни человека – не смерть, а разложение, не более, и только в нем человек может быть прекрасен, поскольку сливается с миром природы и уже не сможет принести вреда:

Раздувшиеся трупы моряков
Напоминают спелые арбузы
Огромные и вкусные арбузы
Напоминают трупы моряков.

Отсюда, итоговый вывод о ценности и сущности бытия: «Жизнь это если кто-нибудь умирает».

В творчестве Марата Багаутдинова есть схожие с этническими и фольклорными семантические категории. Причем, наличие включенности субъекта сознания и речи в определенное этническое поле, а также знание языков народов Удмуртии, не имеет значения. Зачастую произведения наполнены макрокосмическими смыслами бессознательно. Например, стихотворение, посвященное маме, в котором слово *мама* не фигурирует:

Улыбайся. Это тебе идет.
Не испортит прожитых лет балласт.
Я желаю только земных забот,
А других забот — и господь не даст.

Улыбайся. Сын — никакой герой.
И грубит всё чаще по мелочам.
Он же знает, плачешь тайком порой.
И украдкой молишься по ночам...

Никакой герой — обижаюсь, злюсь...
Иногда и я за тебя молюсь.

Образ матери, бабушки в творчестве – показатель особого мировоззрения. Архетипичные образы в стихотворении «Солнце в тарелке»:

Бабушка, помнишь, как мы
просили солнца, и ты выпекала нам его
на огромной старой сковороде?

Зачем мазать солнце вареньем?
Разве оно может быть невкусным?

Капот машины страшной змеей
украшен.

Когда бы знать, что вправду на смерть
увозят...

Ты помнишь, бабушка, детские годы
наши?

Ты видишь, бабушка, детские наши
слёзы?

«На завтрак чай да чаёк, на обед —
чаище»

На ужин – сказка о том, как живут
кометы.
А знаешь, данность тебя безуспешно
ищет
Глазами внуков, напрочь лишённых
лета.

А помнишь, как пугала нас мёртвым
взглядом.
Порой до суток. Мы же, тебя нашедши,
Вязали банты, красили нос помадой.
Прости нас. Ты была тогда
сумасшедшей.
Прости нас. Ты была бесконечно

мудрой.
Прости нас. За слова и нехватку роста...
Да, кстати, приходи как-нибудь под
утро,
С последней грустной сказкой, о том
как просто
Хвостом кометным к вечности
прикрепиться,
В которой всем хватает любви и чаю...
Пусть будут Богом прокляты те
больницы...

А знаешь, бабушка, я по тебе скучаю.

Своеобразие лирики можно наблюдать в особом мироощущении. Иногда мужская лирика неотличима от женской в своей заклинательности и причитах, выраженных стилистически, лексически, грамматически. В стихотворении «Наговор» ощутима стихийность интуитивность женской лирики, здесь сочетание фольклорного жанра причитание заговора или наговора:

Трудно выбрать проклятье из сотен
бед...

Пусть же будет всегда тебе двадцать
лет.

За плечами плоды города могил.
Проклинаю тебя на избыток сил.
Получи и владей – вот беда и мор,
А в придачу – держава и наговор»

«Ух ты, горе мое горе,
Горе горькое такое,
Горе вязкое такое – Размочу на

наговоре.
В терпеливую землю-броню
Я тебя похороню-схороню.
Буду горе поливать-поливать,
Будешь, горе, проращать-проращать.
Как созреешь, – попадёшь под косу.
Я тебя за три земли унесу.
На базаре уступлю-уступлю
Добрым людям по рублю – по рублю.
Ух ты, горе мое горе,
Горе горькое такое,
Горе вязкое такое,
Убирайся за три моря...».

Если обратиться к историко-генетической основе различного рода заговоров, можно выделить несколько групп, среди которых параллелистические заговоры, строящиеся на приеме параллели-сравнения; заговоры с развитым центральным образом вне приема сравнения; заговоры, представляющие собой обращения; заговоры-формулы пожелания; заговоры-просьбы; заговоры-молитвы; заговоры типа абракадабр и другие:

Не покупай своим детям кукол с большими глазами –
Они страшные
Не верь кукловодам
Не пей с кукловодом
Не разговаривай, если смотришь на воду
Человек умирает один раз
Кукла – существо многоразового использования.
Не выбрасывай волосы из своей руки
Ни о чем не думай, завязывая узелки
Если кто на тебя охотится – не беги
Помоги ему.

Никогда не получай писем в конвертах без обратного адреса
Никогда не открывай писем в конвертах без обратного адреса
Никогда не читай писем из конвертов без обратного адреса
Дурак
Не понимай того, что в них написано
Не верь в то, что ты понимаешь.

Темнота. Темнота. Темнота. Темнота. Темнота.
Если чего-то боишься, – заведи кота.
Если ангел-хранитель по-прежнему слеп и глух –
Заведи двух.

абракадабра

Я выдавлю всем твоим куклам глаза
Разорву узелки – загребешься вязать.
Я покажу тебе, где у тебя тормоза
Все равно будет так, как написано на роду.
Пользуйся – я отсылаю тебе обратно твою беду.
Я же знаю твой адрес, я даже новый конверт найду

абракадабра

Яркий свет пытается пробиться
Сквозь одежду – самый яркий свет.
Человек с глазами лемурийца,
Где ты шлялся двадцать тысяч лет?

В этом стихотворении фигурирует образ кота как оберег личного пространства от мистической иррациональной внешней силы. То есть действие заговора не только за счет традиционно фольклорного приема, за счет силы слова повлиять на враждебные людям явления природы, не только ритмически организованная словесная формула для достижения определенных практических целей, но и достижение тех же целей за счет определенных действий. Можно сказать, что в данном произведении проявлена своеобразная современная ассимиляция древнего обряда.

Существенной отличительной особенностью авторских заговоров и заклинаний от народных является слово, направленное на себя или от себя, которое не всегда, в отличие от фольклорного обращения, адресовано к различным существам, силам, стихиям, явлениям природы, богам, способным повлиять на ситуацию. Но справедливо то, что «воздействие значительной части заговоров рассчитано на силу слова... Текст поэтому должен обладать максимальными возможностями эмоционального воздействия».

Часы останавливаются, лампы взрываются — такое бывает.
Лежишь — считаешь символы на единицу пространства.
Вспоминаешь сюжеты снов. Зубы от чего выпадают?
От недостатка ума или чаще от бытового пьянства?
Открываешь окна, двери, шкафы, антресоли, ящики.
Вроде тебе уже крышка. Только где эта чертова крышка?
Да нет. Жить можно, особенно если кеторол за щеку.
Или чего эффективнее. Главное — гнать не слишком...
И гнить умеренно и желательно подальше от дома.
Где при желании как больную собаку тебя усыпят.
И меньше вероятности попасться на глаза знакомым...

Ни о чем не думай по вечерам. Никого не бойся, кроме себя.
Ни о чем не думай по вечерам. Никого не бойся, кроме себя.
Ни о чем не думай по вечерам. Никого не бойся, кроме себя.

В лирике Марата Багаутдинова модус восприятия действительности предполагает видение мира одновременно сквозь две призмы: жизни и смерти. Мы условно назвали это явление экзистенциальная эмпирия.

Полянцева Айгуль Ильгизаровна, магистр

ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»

E-mail: aigool217@mail.ru

